

«Миф и правда о кантовском этическом формализме»

А.К. Судаков,

д.ф.н, в.н.с. сектора Истории религии

В историко-философской концепции Г.В.Ф.Гегеля кантовская философия представлена как точка зрения «моральности», на которой сознание может постигнуть добро только как абстрактное долженствование. Для обеспечения возможности предметного мышления о морали, т.е. возможности конкретной этики, это абстрактное понятие добра как долженствования, которое есть также предельно формальное понятие, должно получить дальнейшее определение. Однако, согласно Гегелю, у Канта оно его не получает, и категорический императив морали остается принципом формального согласия абстрактного рассудка с самим собою, способным предписать только *форму максимы*, то есть (якобы) отсутствие конкретного определения. На так понимаемой позиции абстрактной самодостоверности добра как совести якобы не существует даже принципа морали, и построение практической философии останавливается на безусловном *долженствовании* такого принципа. В связи с этим Гегель говорил о «пустом формализме» этики Канта. Хотя это критическое замечание было закутано у Гегеля в далекие от общепонятности одежды специфически гегелевской терминологии, оно оказалось чрезвычайно влиятельным и чрезвычайно же долговечным. И это несмотря на то, что это замечание основано на одном, однако капитальном, *недоразумении* о практической философии Канта. Это недоразумение, а именно отождествление всеобщей законодательной формы максимы в текстах Канта, как существенным образом практической формы, с логической формой понятия, формой закона природы (который и у Канта есть принцип рассудка, но еще не разума), вполне закономерное у Гегеля с пронизывающим его систему пафосом мыслящего себя самое понятия, совсем неуместно в философии Канта, как этическом идеализме свободы. Избежать же этого недоразумения (и протекающих из него упреков Канту в «пустом формализме») можно только при отчетливом видении *практического* характера законодательства разума, а потому и «всеобщей законодательной формы» максимы воли, в этике Канта. Практическое есть то, что (и постижение чего) возможно через свободу. Если поэтому материя максимы есть предмет или цель действия, теоретическая форма максимы – форма системы средств для достижения (действительности) предмета, то практическая форма максимы есть форма самоопределения к действию по достижению предмета. Соответственно, действие, максима которого имеет одну и ту же теоретическую форму, может иметь различную

практическую форму максимы. Законная практическая форма всякой максимы может быть только одна, поскольку практическая форма имеет отношение ко всему употреблению свободы. Именно практическая форма максимы каждого действия должна быть, согласно принципу этики Канта, не только всеобщим образом законной (правилом легальности или законом природы), но и всеобщим образом законодательной (законным основанием *определения свободы* к действию); поэтому же стратегия определения морального поступка совпадает у Канта со стратегией философского определения свободы. Только так читатель Канта может преодолеть устойчивый миф о кантианской этике как рассудочной методологии испытания максим действия на теоретическую непротиворечивость (оправдывающий другой миф – будто позитивист или нацист могут без самопротиворечия быть «кантианцами»), переключить внимание от этой «казуистики» морального мира на сюжеты действительной науки о морали, которая только тогда может стать не логикой совестного сознания, но этикой умонастроения. Только в этом случае возможно оценить по достоинству *действительный* акцент философа Канта на «всеобщую законодательную форму», а предметный характер всякого акта воли станет предпосылкой системы конкретной этики, а не камнем преткновения на пути к ней.